

с момента их создания⁷². Так в действительности и случилось⁷³. Но русские аграрии не успели протянуть руку промышленникам, прочный альянс между ними так и не сложился, что и привело к краху правых, мастерски описанному в книге А.А. Иванова.

Фёдор Гайда: Активность правых нередко приближала их поражение

Деятельность правых в период Первой мировой войны ранее не привлекала особого внимания историков, поскольку эти годы считались временем острого кризиса их организаций. Согласен с этим и А.А. Иванов, исследующий их путь «от кризиса к краху». Но оправданна ли такая заданность и можно ли весь опыт правых этого времени уместить между двумя столь грозными словами? Не важнее ли разобраться в причинах слабости и поражения такого политического течения, которое, казалось бы, вполне могло рассчитывать на успех? Ведь правые исповедовали принципы, на которых веками зиждилась империя; они апеллировали к самым разным группам населения, включая наиболее многочисленные; их лидеры не были лишены политической воли и ораторских талантов, а организации, по крайней мере на бумаге, являлись самыми массовыми в стране; даже в эти годы они, в отличие от многих других, получали от правительства негласную материальную помощь. Пожалуй, ни одна другая политическая сила того времени не находилась в столь благоприятных обстоятельствах. Или же их кризис был вызван общим состоянием самой империи? Как соотносились общие и частные, связанные собственно с деятельностью правых, факторы краха монархического движения в России?

Как отмечает автор, оба парламентских объединения – думская фракция и группа в Государственном совете – составляли «единый политический организм» и претендовали на статус основного штаба правых в стране (с. 467, 473). При этом между ними было существенное различие: члены Совета дистанцировались от «улицы» (с. 473). Подобное поведение было уместно в XIX в., но после 1905 г. политики, претендующие на всероссийское значение, вынуждены были считаться с массами. В результате «единый организм» заметно хромал: одна нога не достигала «почвы», а думский пафос, с заметным налётом популизма, плохо сочетался с охранительным законничеством и «спокойствием» «советских» правых, чья нередко разумная (хотя и не всегда) критика поступавшего в палату законодательства сочеталась с практически полным нежеланием выступать с какой бы то ни было законодательной инициативой. Всё это не способствовало укреплению положения правых и создавало им образ всероссийского пугала, чем активно пользовались их противники.

А.А. Иванов справедливо проводит чёткую грань между собственно правыми и более умеренными силами – националистами, правым центром и т.д. Это разделение необходимо, хотя оно и не всегда осознавалось и признавалось как современниками, так и исследователями. Действительно, только правые выступали за неограниченное самодержавие монарха (с. 4). Однако после Манифеста 17 октября 1905 г. борьба за это входила в видимое противоречие с официальной царской волей. Кроме того, такую борьбу приходилось вести в

⁷² Селезнёв Ф.А. Промышленная политика государства: исторический опыт России // Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 149–153.

⁷³ Селезнёв Ф.А. Министры-кадеты и экономическая политика Временного правительства (март–июль 1917 г.) // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 111–119.

том самом парламенте, который, согласно Основным законам 1906 г., как раз и ограничивал власть монарха. Именно поэтому в законодательных палатах оказались представители умеренного крыла правых, а неконформисты были обречены на прозябание вне большой политики (с. 56–57). Кроме того, правым приходилось искать союза с националистами. По этому поводу весьма наблюдательный публицист И.И. Кольшко писал: «Партия октябристов 2-го разряда (националисты. – Ф.Г.) основана не для конкурирования с октябристами, а для помощи им – для парализования влияния крайних правых. В этом смысле новая партия сыграет роль салазок, на которых, рано или поздно, А.И. Гучков прокатит Пуришкевича с Марковым»⁷⁴.

В монографии А.А. Иванова неоднократно отмечено, что правые ориентировались на «уваровскую триаду». Как убедительно показал М.М. Шевченко, С.С. Уваров очертил её начала весьма бегло и не заботился о чеканных формулировках⁷⁵ – что в дальнейшем, конечно, облегчало его «последователям» задачу наполнения «триады» самыми разными смыслами. Правые начала XX в. внесли свою лепту в эту традицию. Устами одного из своих лидеров – А.Н. Хвостова в 1913 г. они «требовали» (!) с думской трибуны: «Православия – как духа любви к ближнему, умиряющего всю остроту западноевропейской борьбы за существование, самодержавия – как нашей надежды, нашей защиты против засилья банковских консорциумов и промышленных синдикатов..., русской народности, широкий размах коей создал великое государство» (с. 231). Иными словами, в православии правые более всего ценили братство, в самодержавии – равенство, в народности – свободу. Подобный разворот «триады» во французском вкусе удивил бы не одного её сторонника прежних лет, не говоря уж о самом гр. Уварове. Неудивительно, что столь ярко выраженный популизм входил в противоречие с видами власти. Потому, хотя сами правые и называли себя добровольными защитниками правительственной власти (с. 55), в Совете министров их таковыми не считали. Правительство не было заинтересовано, да и не могло, вопреки мнению автора книги (с. 56), обеспечить их победу на выборах в IV Думу. Некоторое подобие благоволения к правым в правящих кругах возникло в 1912 г. только в силу разрыва с октябристами и нежелания В.Н. Кокцовца иметь дело с националистами. А.А. Иванов резонно отмечает, что во всей цензовой России правые могли опираться лишь на Волынскую, Курскую, Нижегородскую и Вятскую губернии. Причём Нижний Новгород достался им во многом благодаря административной ретивости губернатора А.Н. Хвостова, который сам также был избран в Думу в Орле (с. 62–63). Социальный облик фракции определяли дворяне, священники и крестьяне, буржуазии и рабочих в ней практически не было (с. 61). При таких обстоятельствах правые не только не могли быть правительственной опорой, но и они сами нуждались в поддержке власти, что делало их популизм особенно щекотливым.

К лету 1914 г. думские правые уже превратились в консервативную парламентскую оппозицию⁷⁶. При обсуждении декларации правительства 8 декабря

⁷⁴ Баян-Рославлев [Кольшко И.И.] Пыль. Сборник политических статей 1907–1912. М., 1913. С. 108.

⁷⁵ Шевченко М.М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 68–70.

⁷⁶ Подробнее см.: Гайда Ф.А. Правящая бюрократия в восприятии российских консерваторов в период кризиса третьеиюньской системы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 3–13.

1912 г. Н.Е. Марков, признав незыблемость принципа самодержавия, заявлял: «Большого врага у нас, правых, как бюрократия, не было, нет и не будет»⁷⁷. Вскоре именно Марков спровоцировал «министерскую забастовку» – демонстративный разрыв членов Совета министров с Думой, продлившийся полгода и ставший одной из основных причин отставки Коковцова⁷⁸.

Начавшаяся война, как отмечает А.А. Иванов, сильно ударила по и так пошатнувшимся позициям правых. И не только потому, что для них были свойственны прогерманские настроения: они и раньше нередко использовали антинемецкую риторику (с. 76–78). Её был совершенно чужд, пожалуй, лишь П.Н. Дурново. Для правых (в отличие от националистов) не был характерен и панславизм (с. 89), если не считать безотчётного желания присоединить к России Галицию, хотя тот же Дурново предупреждал от такого опрометчивого шага (с. 105–106). Правые также могли надеяться на утверждение в период войны внутреннего мира. На «историческом заседании» Государственной думы 26 июля 1914 г., на котором звучали патриотические заявления и были одобрены чрезвычайные военные кредиты, В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков обменялись рукопожатиями с П.Н. Милюковым. При этом лидер кадетов указал Маркову на огромное значение Думы в жизни страны. Марков в ответ сказал, что никогда против этого не возражал и всегда был поборником парламента и противником бюрократии. Милюков тут же заверил его, что он в этом и не сомневался⁷⁹. Похоже, правые достаточно долго питали иллюзии относительно политической лояльности либералов. А.А. Иванов ярко живописует их представления о возникшем в начале войны «священном единении» (с. 91–94), являвшиеся большим заблуждением.

Между тем сколько-нибудь серьёзная программа действий в военное время правыми так и не была сформулирована. Широко развёрнутая ими борьба с «немецким засильем» не дала экономического эффекта и лишь спровоцировала революционные настроения (с. 248). Отношение к подоходному налогу, введение которого готовилось либералами, у правых было скептическим. Однако они выступали за чрезвычайный военный налог, предлагая собирать его практически со всего населения. В конечном счёте вопрос о налоγοобложении вызвал острую политическую борьбу, в пылу которой все разумные меры если и проводились, то с большим запозданием (с. 257–265). Здравая в целом критика деятельности военно-промышленных комитетов (с. 271–278) оставалась безрезультатной, поскольку не намечала какой-либо альтернативы усилиям либералов. Вполне реалистично рассуждая об аграрной политике (с. 236), правые, естественно, не могли, в отличие от левых популистов, пообещать крестьянам помещичьи земли (с. 59).

Летом 1915 г. под влиянием военных поражений правые оказались совершенно деморализованы. Боязливая реакция на последнюю парламентскую речь П.Н. Дурново и на записку А.П. Струкова лишь оттеняла полное политическое бессилие как думской фракции, так и советской группы. «Чёрный блок»

⁷⁷ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчёты. 1912–1913 гг. Сессия первая. Ч. 1. Стб. 404.

⁷⁸ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сборник научных статей. СПб., 2011. С. 192–202.

⁷⁹ Земщина. 1914. 27 июля.

оказался фантомом и только спровоцировал раскол фракции националистов (с. 151–154, 180–185). С осени 1915 г. сторонником правых в Совете министров был только А.Н. Хвостов, но он принёс с собой в правительство исключительно отрицательные черты своей фракции: демагогию, раздор, авантюризм. К тому же Хвостов активно заигрывал с либеральной оппозицией и сыграл едва ли не основную роль в организации длительной «весенней сессии» Думы в 1916 г., в начале которой был реанимирован Прогрессивный блок. Вскоре Хвостов бесславно закончил свою политическую карьеру «делом Ржевского» (с. 206–231). Солидаризируясь с С.В. Куликовым⁸⁰, А.А. Иванов полагает, что в действительности Хвостов вовсе не планировал убийства Распутина, рассчитывая просто устранить его с политической сцены. Однако участие в этой интриге А.И. Гучкова остаётся пока гипотезой. Скорее всего, Хвостов всё же сам скомпрометировал и себя, и своих товарищей по фракции.

Как бы то ни было, после его отставки отношения правых и правительства стали «более чем прохладными» (с. 231). Не доверяя новым министрам, например, земцу-октябристу А.Д. Протопопову (с. 211), правые в 1916 г. возобновили обычные нападки на Совет министров, критикуя его теперь ещё и за неудачи в обеспечении страны продовольствием. В росте цен на продукты питания думские правые, как и либералы, склонны были винить именно власть. Марков резко нападал на Министерство земледелия за неподготовленность к войне⁸¹. Осуждая «министерскую чехарду», правые лишь усиливали её. Думская речь В.М. Пуришкевича, произнесённая 19 ноября, и последовавший затем скандал с Н.Е. Марковым, спровоцировавший раскол фракции, означали окончательный крах правых⁸². По резолюции о засилье «тёмных сил» и «ответственном министерстве» правая группа Государственного совета голосовала свободно, что продемонстрировало её полный политический паралич. Речь Н.А. Маклакова, излагавшая его личное мнение, а не позицию всей группы (с. 376–378), прозвучала консервативным диссонансом на фоне безостановочного «штурма власти» и уже никак не могла повлиять на настроение палаты. Кризис третьеиюньской системы, начавшийся в марте 1911 г. с голосования правых «по совести», закончился им же в декабре 1916 г. – только в новой ситуации правительство уже не было способно к адекватной реакции. Новогодняя чистка Государственного совета стала лишь призраком «правого поворота» власти (с. 391–400). В правых кругах ещё обсуждались планы государственного переворота, однако одобряли их единицы. А.А. Иванов допускает, что они могли быть реализованы в ответ на революцию, но не как превентивная мера (с. 400–431). Однако надёжных войск (и в первую очередь гвардии), которые, как в 1905 г., смогли бы планомерно восстанавливать государственный порядок, в 1917 г. не нашлось. Ослабленной к этому времени была и полиция. Между тем, кроме очень небольшой группы лиц, никто уже не верил в способность власти поддерживать порядок – слишком долго она терпела фантастические и беспочвенные обвинения в свой адрес.

⁸⁰ Куликов С.В. Дело Б.М. Ржевского // Из глубины времён. Вып. 14. СПб., 2011. С. 4–40.

⁸¹ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчёты. 1915–1916 гг. Сессия четвёртая. Ч. 1. Пг., 1916. Стб. 4513–4514.

⁸² А.А. Иванов пишет, что к тому времени Пуришкевич уже поменял фронт и сделал ставку на победу оппозиции, выступив с резкой критикой правительства и приняв участие в убийстве Г.Е. Распутина (с. 384–385). Неслучайно в своё время П.А. Столыпин якобы сказал: «Пуришкевич талантливый человек, но он всё губит, за что бы ни взялся» (Федюшин К. Пётр Аркадьевич Столыпин и студенты (отрывки из воспоминаний) // Исторический вестник. 1914. № 5. С. 536).

Уже находясь в эмиграции, С.Е. Крыжановский видел в правых предшественников итальянского фашизма, провалившихся лишь из-за «неуклюжести приёмов вождей», стремления привязать себя к правительству и демагогии. Однако мемуарист признавал, что демагогия была неизбежной, поскольку им приходилось иметь дело с массами⁸³. Таким образом, выступая против третьей-июньской системы, правые фактически действовали против своих покровителей, в чём и заключалась главная трудность их положения. Зависимость от правительства в создавшихся условиях также вряд ли можно было преодолеть. Но и сама власть не могла долго использовать правых. Как писал первоудмец И.В. Жилкин: «Каковы бы ни были правые газеты, всё же это пресса, то есть попытка руководить общественным мнением, опираться на него, считаться с ним. Каковы бы ни были правые организации – всё же это ячейки с общественным бродильным началом. Создавая здесь себе поддержку, администрация воспитывает здесь в себе новую, роковую для себя привычку – признание общественности»⁸⁴.

А.А. Иванов верно заключает, что основной причиной поражения правых стала их неспособность указать на свой путь выхода из ситуации, в которой Россия находилась зимой 1916/17 г. (с. 474). Утратив связь с динамичным развитием, правая идеология исчерпала свой потенциал. При этом сама активность их думской части нередко лишь приближала крах.

Сергей Степанов: Сторонники самодержавия в условиях парламентаризма

В последнее десятилетие своей тысячелетней истории русская монархия предстала в видоизменённом облике, который ставил в тупик современников и в самой России, и за её пределами. Так, «Готский альманах» охарактеризовал государственный строй Российской империи тех лет как «конституционную монархию во главе с самодержавным царём», что звучало едва ли не абсурдно. Между тем черносотенные союзы и организации провозглашали в своих программных документах, что царское самодержавие и после Манифеста 17 октября 1905 г. остаётся неограниченным, а законодательные учреждения не имеют права вмешиваться в управление страной. «Правые в русском парламенте», которым посвящена монография А.А. Иванова, с восторгом повторяли слова, произнесенные в Думе В.Н. Коковцовым: «У нас парламента, слава Богу, нет!»

Автор книги создал солидный труд, написанный на основе широкого круга источников (документы 34 архивных фондов из 9 архивохранилищ, 43 периодических издания, многочисленные мемуары). Составленная им библиография включает сотни названий, имеется обширный указатель имён. Всё это не заслуживало бы отдельного упоминания, будучи обязательной принадлежностью всякого мало-мальски серьёзного научного труда, если бы до недавней поры работы по истории правого движения не были столь редкими, что удивление вызывал сам факт их публикации. В последние годы ситуация коренным образом изменилась, о чём свидетельствует и первая глава монографии, в которой представлен обзор источников и исследований. Можно констатировать, что

⁸³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, [б.г.]. С. 152–154.

⁸⁴ Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 360.